

Часть I
ЗИМНЯЯ СТУЖА

ПРОЛОГ

День был ясным и спокойным, но ближе к вечеру с окрестных гор в долину спустилась снежная буря и устроилась на ночлег. Еще до того, как она обрушилась на Визен, жители этого небольшого городка успели основательно подготовиться к приходу незваной гостьи: крепко заперли ставни, разожгли поярче огонь в очагах и запаслись лопатами на случай, если снега наметет слишком много. Хуже всех пришлось престарелому смотрителю визенского маяка: потирая больную спину, он взял фонарь и отправился на вершину башни, чтобы сменить цвет стекол в ее окнах с зеленого на красный, означавший «опасность». Смотритель по опыту знал, что настоящая опасность для воздухоплатователей возникнет лишь через несколько дней, когда махолеты потянутся целыми караванами на Зимнюю ярмарку в Керлене, а до тех пор погода должна была исправиться... Но порядок есть порядок.

Он поднялся по скрипучей темной лестнице и вошел в маленькую круглую комнату, посреди которой днем и ночью горело холодное белое пламя. Снаружи завывал ветер, а внутри царили сквозняки; огонь же совсем не грел, потому что знаки, покрывавшие очаг, приказывали ему лишь светить. Смотритель поставил на пол фонарь и вдруг понял, что забыл листочки с печатями на столе в своей комнате. Такого с ним раньше не случалось... Хотя, может, он и об этом успел позабыть? Сокрушенно вздохнув, старик снял с пояса пенал, в котором лежали кисть и маленькая чернильница с

плотно завинчивающейся крышкой. Давным-давно — сколько кистей стерлось с той поры? — предыдущий хозяин маяка подарил эту чернильницу своему юному ученику и строго-настрого наказал не расставаться с нею. Что ж, этот совет не раз оказывался полезным.

Теперь следовало обойти все окна и на каждом нарисовать печать согласно той стороне света, куда оно было обращено. Эти печати за годы службы стали для смотрителя чем-то вроде закадычных приятелей, он узнавал их не только по виду, но и по характеру: Южная сплошь состояла из извилистых линий, напоминавших о морских волнах, плескавшихся где-то далеко; Западная ершилась ветками сосен и вздымала к небу крутые пики меловых утесов; Восточная блистала острыми гранями драгоценных камней, а Северная походила на один из тех узоров, что рисует на стекле сама госпожа Зимняя Стужа. Смотритель мог нарисовать эти печати в кромешной тьме и под палящим солнцем, левой рукой и кистью, зажатой в зубах.

На недолгое время удалось забыть о спине. Черная тушь на льдисто-зеленых стеклах быстро выцветала, но в нижней части окон уже зарождался тревожный багрянец: те, кто идет с севера, востока и юга, должны были его заметить и повернуть назад, сигнализируя по дороге всем встречным, что в Визене бушует стихия и сейчас туда лучше не соваться. Оставалось лишь северо-западное окно, когда вероломная боль сверлом вгрызлась в поясницу и смотритель чуть не выронил кисть.

— Проклятье... — пробормотал старик. — Как нестати...

На то, чтобы помассировать больное место, а потом с трудом разогнуть спину, ушло несколько минут, а их ценой вполне могла оказаться чья-то жизнь. Смотритель, мрачней, нарисовал последнюю печать. Что-то исправить было уже невозможно, и он просто ушел,

1. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

едва не позабыв фонарь, чей огонек в присутствии белого пламени маяка присмирел и затаился.

Само же пламя, оставшись в одиночестве, продолжало равнодушно гореть.

1. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

Вечер выдался на редкость суматошный, хотя вся суматоха выпала на долю Дженны, а Ивер сидела у окна и притворялась, будто рассматривает морозные узоры на стекле. Вышло так, что все восемь пассажиров отставшего от расписания махолета решили поселиться в гостинице «Горицвет». И это как раз в тот день, когда родители Дженны и Ивер отправились в Керлен по делам, повар Тилли наконец-то получил выходной, который слезно вымаливал вот уже недели две, а обе горничные дружно заболели и на работу не явились. В общем, Дженне пришлось самой расселять постояльцев, готовить им ужин, да еще и успокаивать их, говоря, что разыгравшаяся непогода не столь страшна, как кажется на первый взгляд.

— Опасности нет, — раз за разом повторяла Дженна, нервно потирая ключ-кольцо. — Так бывает в наших краях, это всего лишь буря! К утру она притихнет, вот увидите!

Ну да, конечно. Ивер мрачно усмехнулась. Всего-то месяц назад во время такой же «всего лишь бури» подмастерье мэтра Клауса, визенского портного, насмерть замерз в квартале от лавки, да и вообще этой зимой ледяные фаэ лютовали как никогда...

На стекле расцветали ледяные ромашки — гнули тонкие стебли под холодным ветром, упрямо тянулись к невидимому солнцу. За спиной Ивер постояльцы

устраивались в общем зале, явно собираясь коротать вечер в компании друг друга; впрочем, ненастная погода всегда сближает даже совершенно чужих людей. У камина сидел щуплый старик, чьи редкие седые волосы были стянуты в мышинный хвост, а одежда поражала обилием карманов и складок; он меньше всех донимал Дженну расспросами о погоде, зато курил трубку, и от странно пахнущего дыма щипало глаза тем, кого угораздило оказаться поблизости. Широкоплечий верзила, в котором по осанке можно было признать бывшего солдата, все пытался разговорить другого постояльца, высокого и худого человека в черной одежде, но тот лишь хмурил брови и отвечал односложно, с видимой неохотой. Поодаль расположились юноша и девушка — оба светловолосые, красивые и какие-то неземные; они переговаривались вполголоса и почти не разнимали рук, словно были прикованы друг к другу цепью. Судя по многослойным шелковым одеяниям, украшенным изображениями птиц и цветов, эта пара прибыла откуда-то с летающих островов — и что только они потеряли в такой глуши, как Визен? Еще двое постояльцев, хорошо знакомые Ивер братья-торговцы Томас и Тоби по прозвищу Рыжий, играли в карты, а вот последний гость оказался настоящей загадкой: он все время прятался в дальнем углу и как будто спал сидя, вытянув длинные ноги в потрепанных сапогах и низко надвинув капюшон, под которым лица не было видно вовсе. Он явился в гостиницу последним, и Ивер заметила, как Дженна то и дело поглядывает на странного гостя с опаской: от таких молчаливых путников можно было ждать чего угодно.

Через десять дней начиналась Керленская ярмарка, а это означало, что вскоре гостиница заполнится, но от желающих снять номер все равно отбоя не будет, и Дженне придется каждому объяснять: мест нет. Ивер давно мечтала побывать на ярмарке и испытывала странное

1. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

чувство всякий раз, провожая взглядом очередной махолет, направлявшийся в сторону Керлена: как будто само время уходило, улетало прочь. Если бы матушка не болела каждую зиму, если бы им не приходилось так много денег тратить на лекарства, если бы Дженна не была все время занята... «Даже не думай! — отрезала старшая сестра, когда Ивер заикнулась о том, что хотела бы поехать в Керлен сама. — Пока тебе не исполнится восемнадцать, из Визена ни ногой!» Этой зимой Ивер отпраздновала свой двенадцатый день рождения. Терпеть оставалось еще шесть бесконечно долгих лет, да разве Дженне, двадцатичетырехлетней старухе, это объяснишь?..

Задумавшись, Ивер не заметила, как начала рисовать на стекле, выводя витиеватые узоры: лед плавился от тепла, а потом дорожка, которую оставлял ее тонкий палец, вновь покрывалась прозрачной коркой. Линия... еще одна... и еще... Нарисованное Ивер существо, похожее то ли на бабочку, то ли на стрекозу, с еле слышным скрипом развернуло крылья и приготовилось взлететь, но тут девочка спохватилась и начала торопливо стирать рисунок, не обращая внимания на протестующий писк дьюса. Еще не хватало, чтобы Дженна или кто-то из постояльцев увидели, что она делает. Выговором не отделаешься, придется целую неделю мыть посуду.

— Ну давай же, давай! — бормотала Ивер, но рисунок никак не хотел уходить в небытие. — Исчезни!

Иней крошился, осыпался оплавленными чешуйками, и наконец посреди ледяной ромашковой лужайки появилось окошко размером с ладонь — за ним бушевала метель. Не было видно ни улицы, ни соседних домов, и даже маяк еле-еле просматривался посреди снежной круговерти.

Отчего-то его огонь был сегодня ниже, чем обычно. И порою казалось, что он...

— Двигается! — С грохотом опрокинув табуретку, девочка вскочила, и тотчас же все взгляды устремились на нее. — Он движется! Дженна, там махолет!

Наступила тишина. Ивер смешалась: секунду назад она не сомневалась, что видела именно махолет, но теперь догадка показалась невероятной. Огонь? Это вполне мог быть мираж, один из опасных фокусов снежных фаз — они чего только не придумают, чтобы заманить путников в ловушку. И все-таки видение, посетившее ее лишь на краткий миг, было слишком живым и подробным: огромные когтистые лапы сжимают стрекозу из дерева и металла, а та лишь беспомощно трепыхается, ломая хрупкие крылья, и ее волшебные сияющие глаза вот-вот погаснут.

Дженна подошла, перевернула табуретку и только после этого выглянула в окно. Против всех ожиданий Ивер, махолет она увидела сразу и сказала, сердито намхмутив брови:

— Надо же! Опять он опоздал зажечь красный сигнал...

— Что там случилось, хозяйка? — спросил тот постоялец, которого Ивер мысленно окрестила Верзилой. — О ком ты так неласково?

— Похоже, наш смотритель маяка не успел вовремя сменить зеленый огонь на красный, и какого-то летуна схватила буря, — ответила девушка. — Скверно! Он вот-вот упадет, а на поле-то сейчас нет никого. В непогоду тамошний люд всегда по домам прячется, уж сколько их ругали — все без толку...

— Я пойду туда! — С этими словами постоялец решительно направился к двери, но дорогу ему преградил старик, чья трубка продолжала исправно дымить.

— Не стоит торопиться, друг мой! — наставительно произнес он скрипучим голосом. — Или вы забыли, что происходит снаружи? Смею напомнить, там разыгрался буран.

1. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

— Предлагаешь сидеть тут, греться у очага? — неприязненно спросил Верзила, складывая руки на груди. Он был на добрых две головы выше ростом и угрожающе нависал над стариком, но тот не дрогнул, не отступил. — Предлагаешь спокойно отдыхать, пока там кто-то погибает?!

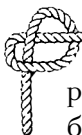
— А вам так не терпится замерзнуть, молодой человек? — поинтересовался старик, не скрывая иронии, и «молодой человек» тотчас же рванулся вперед, будто желая на ходу отбросить настырного незнакомца... да так и застыл на полусогнутых ногах и с вытянутой рукой, разинув рот от удивления. Миг спустя он безвольным мешком рухнул на пол и застонал. На широкой груди поверженного Верзилы белела узкая полоска бумаги с нарисованным черной тушью замысловатым знаком — печатью.

— Печатник! — громко прошептал кто-то, и старик улыбнулся краем рта.

Ивер не верила своим глазам: и это печатник? Тот, кому подвластны создания рук человеческих, дьюсы? Тот, кто может взмахом руки изменить сущность любой рукотворной вещи?!

— Да не смутит никого в этом зале моя скромная внешность! — сказал маг, будто прочитав ее мысли. — Я мэтр Арно, печатник... Есть и грамота из Гильдии, ежели хотите проверить истинность моих слов. Она наверху, в сундуке. Но давайте-ка отложим представления с расшаркиванием на потом, ибо там, снаружи, погибает какой-то несчастный! Кто готов мне помочь?

Вызвались двое — светловолосый юноша и человек-загадка, до сих пор сидевший в углу. Когда этот незнакомец подошел ближе и откинул капюшон, Ивер невольно вздрогнула: ей еще не приходилось видеть такого странного лица — жесткого и напрочь лишённого выражения, будто деревянная маска, сработанная на

редкость бестолковым подмастерьем. Но глаза у него были живые и ясные.

— Прекрасно! — воскликнул маг и взглянул на Верзилу. Невидимые путы, сковывавшие того по рукам и ногам, исчезли, бедолага наконец-то смог пошевелиться.

— Меня посчитайте... — проворчал он, опасливо косясь на старика-печатника, но тот спокойно кивнул, словно позабыв, что всего лишь несколько минут назад здоровяк обошелся с ним весьма непочтительно.

Больше никто не откликнулся на призыв мэтра Арно: торговцы уткнулись в карты и делали вид, что окружающего мира вовсе не существует, а человек в черном возмущенно фыркнул, будто услышал в предложении печатника что-то оскорбительное.

Маг, зажав трубку в зубах, ловко вытряхнул из левого рукава чернильницу на цепочке, из правого — тонкую черную кисточку, а затем нарисовал на груди и на спине каждого из своих спутников печати, которые должны были, по его словам, на время защитить их от холода и ветра.

— На время! — повторил он, отступив на шаг назад, будто желая полюбоваться делом своих рук, хотя на самом деле замысловатые знаки почти сразу выцвели. — Надо действовать быстро, а то придется уже нам просить о помощи!

От «Горицвета» до взлетного поля было рукой подать, но, когда приоткрыли входную дверь и внутрь ворвалась буря, Ивер вдруг сделалось очень страшно: а если она ошиблась? Если там вовсе не махолет, а что-то другое, что-то опасное?..

Четыре человека шагнули за порог и исчезли.

Ивер прикинула к оконцу посреди ледяного луга, которое уже подернулось тонкой корочкой, но все еще позволяло увидеть тот самый огонек — он по-прежнему сражался с бураном, сражался в полном одиночестве и без надежды на победу.

1. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

— Держись! — пробормотала девочка, прижимаясь щекой к холодному стеклу в тщетном усилии хоть что-то разглядеть в белой мгле. — Держись, пожалуйста!

Она так увлеклась, что даже не почувствовала, как корни ледяных цветов начали щекотать кожу, подыскивая себе новое местечко для жизни.

Огонек мигнул в последний раз и пропал. Прошла целая вечность до того, как входная дверь отворилась, впустив пять фигур, покрытых снегом с головы до ног.

Пять?!

— Хозяйка, вина подогрето, да быстрее! — громко заявил Верзила с порога и потащил к камину незнакомца, который еле переставлял ноги.

Ивер, едва успев разглядеть на вновь прибывшем летнюю куртку и очки, ринулась на кухню, опередив Дженну. Руки делали привычную работу, а мысли неслись вперед и вперед, словно стайка бойких воробьев. Пилот! Интересно, хоть кто-нибудь скажет ему, что это она увидела падающий махолет? Сложно представить, что стало с машиной... Впрочем, если бы та разбилась, он не сидел бы сейчас, живой и здоровый, в общем зале «Горицвета». Так, быть может, заслуги Ивер в его спасении вовсе нет?..

Дженна подошла неслышно, взяла поднос, на котором дымилась большая кружка горячего вина. На протестующий возглас Ивер старшая сестра не обратила ни малейшего внимания.

— Иди в зал, — сказала она вполголоса. — Только не вздумай уронить еще что-нибудь, я буду ругаться!

Забрала поднос и ушла, не дожидаясь ответа, — не увидела даже, как Ивер показала ей язык. Дженна-зануда, Дженна-язва! С детства была такой, потому и замуж не вышла до сих пор...

Когда Ивер вернулась в зал, постояльцы, собравшись вокруг камина, слушали историю о чудесном

спасении нового гостя. Увы, эта история как раз подошла к финалу. Девочка досадливо прикусила губу: что ж, сама виновата.

— ...Проще говоря, мне повезло, — проговорил пилот слабым голосом. — У самой земли как будто чьи-то руки подхватили и опустили мягко, аккуратно. Всего лишь левое крыло сломал, а его отремонтировать нетрудно.

— Так что же, огонь на башне вообще не горел? — поинтересовался мэтр Арно. Печатник расположился на прежнем месте, покуривая трубочку так безмятежно, словно ему не приходилось вставать и отправляться на заснеженное взлетное поле, чтобы спасти кому-то жизнь.

— Не горел, — ответил пилот.

Он сидел в кресле напротив, уронив голову на руки, и его короткие волосы, мокрые от растаявшего снега, торчали во все стороны. На затылке виднелся ремешок летных очков — должно быть, подумалось Ивер, бедняга еще не пришел в себя после столь чудесного спасения, раз не снял их первым делом вместе с черными кожаными перчатками.

— Его как будто что-то заслонило, — продолжил незнакомец. — Такая плотная туча, как... как толстое покрывало. Это странно, потому что огни маяка должны быть видны в любую погоду, даже в сильную метель. Впрочем, о чем я говорю? Вы это знаете лучше всех, господин печатник.

Арно от удивления чуть не выронил трубку.

— Вот это да! — проговорил он, восторженно оглядывая собравшихся, будто призывая их в свидетели некоего удивительного события. На самом деле никто, включая Ивер, не понял, что такого необычного было в словах пилота, но маг развеял их недоумение: — Вы что же, сразу поняли, кто из нас четверых печатник?

1. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

— Я просто увидел... — Пилот как-то неопределенно взмахнул рукой и поднял голову.

Его узкое лицо было очень бледным, словно бесцветным; темные очки на кожаном ремешке плотно врезались в щеки и лоб, скрывая глаза. Однако Ивер ощутила на себе его взгляд и вдруг почувствовала, что в зале становится очень жарко.

«Что происходит?!»

— О-о, спасибо! — воскликнул незнакомец и схватил чашку с вином, будто не заметив, что она горячая. Может, не почувствовал из-за перчаток? Девочка окончательно растерялась. — Спасибо... — повторил пилот и, отхлебнув вина, прибавил: — Впору поблагодарить снежных фаэ за то, что привели меня в такое милое местечко.

Дженна принялась уверять гостя, что не стоит перехваливать «Горицвет» — дескать, во время бурана и шалаш покажется королевским дворцом, — а Ивер ошеломленно глядела то на нее, то на незнакомца. Неужели никто не замечает, что этот странный человек пьет обжигающе-горячее вино, щедро сдобренное перцем, словно холодную воду?!

— Я ваш должник, — с улыбкой проговорил пилот и опять повернулся к печатнику. — А уж вы и ваши друзья, мэтр...

— Друзья?! — рассмеялся маг. — Да мы едва знаем друг друга! Я-то успел представиться, а вот мои спутники... Не находите ли, многоуважаемые, что сейчас настал подходящий момент для более близкого знакомства?

— Можете звать меня Гром, — прогудел Верзила. Прозвище то было или настоящее имя, но подходило оно ему как нельзя лучше.

— Я Марк, — мелодичным голосом проговорил светловолосый юноша, вновь воссоединившийся со своей спутницей, которая поглядывала на собравшихся